

Шэнь Цзуннянь был очень занят. В первый рабочий день недели он в одиночестве поехал в «Пули».

Красные шаттлы казино и лодки-гондолы сновали туда-сюда. Поток туристов не иссякал. Никогда не темнеющее искусственное небо и роскошный аромат парфюма заставляли людей забывать о времени. Смена дня и ночи не имела никакого отношения к этому золотому миру.

У золотой арки его ждал менеджер:

— Господин Шэнь, гость уже прибыл.

Шэнь Цзуннянь поднял руку, приказывая сопровождающим остаться снаружи. Внутри он взял с собой только одного из подчиненных Хэ Уфэя.

— Господин Шэнь, — Ю Цзиньжун отпустил сидевшую рядом девушку и поднялся, чтобы пожать ему руку.

Шэнь Цзуннянь ответил на рукопожатие без отказа, но и без особого радушия.

— Заставил ждать, — равнодушно бросил он.

Ю Цзиньжун ничуть не обиделся и со смешком ответил:

— Я сам только что пришёл.

Он велел своей спутнице сесть рядом с Шэнь Цзуннянем и налить ему вина. После недолгого обмена любезностями Шэнь Цзуннянь, у которого не было терпения это слушать, прямо сказал:

— Босс Ю, что вы хотели мне показать? Доставайте, посмотрим.

Ю Цзиньжун был родом из Малайзии. Он входил в число обладателей статуса «Золотой лев» с наивысшим количеством баллов в отеле. Суммы его сделок были поистине астрономическими.

Помощник Ю Цзиньжуна достал запечатанные документы и почтительно, обеими руками, передал их Шэнь Цзунняню.

Шэнь Цзуннянь бегло просмотрел бумаги и отложил контракт.

— Слишком уж большой объем для первой сделки. Вы мне слишком доверяете, босс Ю.

Ю Цзиньжун хотел использовать его в качестве дилера для отмывания денег, выводя грязные средства за границу. При этом он пообещал «Пули» максимально щедрый откат.

За годы работы в этой сфере Шэнь Цзуннянь получал бесчисленное множество подобных предложений. Обычно он даже не удостоивал их взглядом. Напротив, именно благодаря его строжайшему управлению в «Пули» не случилось ни единой накладки с тех пор, как он взял всё в свои руки. И как раз это превратило казино в лакомый кусок для различных преступных группировок.

Хэ Уфэй давно выслеживал Ю Цзиньжуна. Он попросил Шэнь Цзунняня стать информатором, чтобы выманить данные о зарубежных базах противника.

Шэнь Цзуннянь не любил лезть в чужие дела. Но пару дней назад Хэ Уфэй помог ему уладить вопрос со старинной картиной на черном рынке в Биньчжоу. Отказать сейчас значило бы сжечь мосты после оказанной услуги. К тому же, чтобы окончательно перерубить связи Шэнь Сяочана в Хайши, ему в будущем еще могла понадобиться помощь полиции. Поэтому он согласился на встречу с Ю Цзиньжуном.

Ю Цзиньжун рассмеялся:

— Господину Шэню я, конечно же, доверяю. Считайте это знаком моей искренности.

Но Шэнь Цзуннянь ответил:

— А вот я вам — нет. При первом сотрудничестве лучше проявить осторожность.

В таких грязных делах главное — скорость. Чем быстрее раздробишь и выведешь украденные деньги, тем сложнее будет их отследить. Ю Цзиньжун торопился провести крупную сумму, чтобы решить свои насущные проблемы. Заодно он хотел одним махом затащить Шэнь Цзунняня в это болото. «Пули» стала бы его личной прачечной для отмывания денег, а совместные интересы — самой надежной гарантией.

Но Шэнь Цзуннянь славился своей несговорчивостью. Ю Цзиньжун примирительно сказал:

— Ничего страшного. Если господин Шэнь считает, что это слишком рискованно, мы можем для начала прощупать почву. Заодно присмотримся друг к другу. В конце концов, я искренне настроен на долгосрочное сотрудничество. Это не разовая сделка. Самое важное — выстроить доверие.

Ю Цзиньжун затянулся сигарой и спросил:

— И какую сумму господин Шэнь считает подходящей для первого раза?

Шэнь Цзуннянь урезал сумму в контракте вдвое. Это был примерно тот объем, с которым на данный момент могли справиться полицейские силы Хэ Уфэя.

— Без проблем, сделаем, как скажет господин Шэнь. Я сейчас же велю своим людям всё оформить, — рассмеялся Ю Цзиньжун.

— Не спешите, — Шэнь Цзуннянь закинул ногу на ногу и сцепил руки на животе. — У меня есть ещё одно условие. Если босс Ю не согласен, то забудьте.

— Слушаю вас, господин Шэнь.

— Я хочу, чтобы перевод осуществлялся через зарубежные счета.

Большинство украденных денег Хэ Уфэй мог отследить только внутри страны, после чего их след терялся. Выйти на зарубежные базы было адски сложно. Полиция ничего не знала об их каналах распределения, движении средств и внутренней иерархии.

Лицо Ю Цзиньжуна не изменилось, но смешинки в глазах померкли, сменившись настороженностью. Однако он продолжал улыбаться:

— И как мы это провернём?

Шэнь Цзуннянь развёл руками, сохраняя полное спокойствие:

— Босс Ю, конечная остановка ваших денег — у меня. Если дело выгорит, вы выйдете сухим из воды. Но «Пули» никуда не денется. И отвечать придётся мне.

Ю Цзиньжун погрузился в раздумья, о чём-то размышляя.

Шэнь Цзуннянь выглядел холодно. От него исходила властная аура. Он прямо разоблачил собеседника:

— Вы просто пытаетесь переложить все риски на меня.

Ю Цзиньжун запнулся и стал уверять, что совсем не это имел в виду.

Шэнь Цзуннянь пропустил его слова мимо ушей и отрезал:

— Я принимаю переводы только на зарубежные счета. Вы лучше меня знаете, как там обстоят дела с борьбой с мошенничеством и финансовым контролем.

Там не только не было таких строгих правил, как в стране, но и существовала негласная защита. Доходы от мошенничества пополняли их казну.

— Зарубежные транзакции куда скрытнее. Риск, что всё вскроется, минимален. Даже если начнутся проверки, отследить и доказать что-либо будет невозможно. Если босса Ю это не устраивает, ищите кого-нибудь другого, — закончил Шэнь Цзуннянь.

Ю Цзиньжун поджал губы, пытаясь увильнуть:

— Это, конечно, можно. Вот только зарубежные процедуры довольно сложны и занимают много времени. Боюсь, это будет не так удобно.

Но Шэнь Цзуннянь лишь бросил:

— Это уже ваши проблемы.

Ю Цзиньжуна начало раздражать его отношение. За столько лет в бизнесе он повидал всякое, но такого человека, который не оставлял ни малейшего пространства для торга, встречал впервые. Однако сейчас он был просителем и не хотел полностью плясать под дудку Шэнь Цзунняня:

— Господин Шэнь задаёт мне задачку. Как насчёт такого: мы сыграем партию. Если выиграете три раза подряд, сделаем по-вашему. Что скажете?

Шэнь Цзуннянь пристально смотрел на него и молчал.

Ю Цзиньжун не мог понять, что у него на уме. Он засомневался, не разозлил ли он его, и почувствовал укол неуверенности.

Шэнь Цзуннянь дождался, пока спесь собеседника окончательно спадёт, и лишь тогда равнодушно бросил:

— Во что хотите сыграть?

— Как насчет «боя быков»?

Шэнь Цзуннянь жестом велел подчиненному Хэ Уфэя сесть за карточный стол. «Бой быков» — это вариация игр Баохуан и Пиноккио, в неё играют вчетвером.

Ю Цзиньжун со смехом остановил его:

— Эй, у господина Шэня в подчинении одни мастера. Я нечасто здесь бываю. Пусть лучше мои люди поучатся у вас.

Шэнь Цзунняню было всё равно:

— Как хотите.

На первый взгляд казалось, что Ю Цзиньжун посадил девушку в пару к Шэнь Цзунняню. Но на деле Шэнь Цзуннянь играл один против троих.

Он вырос за карточным столом. Шэнь Чжунван привел его в «Пули», когда он еще даже считать не умел.

Выиграв две партии подряд, Шэнь Цзуннянь увидел, что Ю Цзиньжун ничуть не расстроился. И только в последней раздаче, взглянув на свои карты, он всё понял.

Так вот где была зарыта собака.

Девушка первой дважды выложила флеш. Если Шэнь Цзуннянь не скинет своего Короля червей, то точно проиграет партию. Но если скинет... Король червей — это карта рыцаря.

Тот, кому достанется карта рыцаря, может просить у сбросившего её всё, что угодно. Таково было негласное правило увеселительных заведений. И при любом раскладе Ю Цзиньжун оставался в выигрыше.

Шаг до финала, и ни туда, ни сюда. Ю Цзиньжун думал, что Шэнь Цзуннянь станет колебаться. Но тот, не раздумывая ни секунды, швырнул Короля червей на стол, завершив игру.

Ю Цзиньжун громко расхохотался и сказал игравшей с ними девушке:

— Поблагодари же господина Шэня!

Девушка с улыбкой открыла рот, но Шэнь Цзуннянь опередил её:

— Босс Ю, если вам что-то от меня нужно, говорите прямо.

Ясное дело, что желание будет загадывать не эта девица. Это Ю Цзиньжун собирался потребовать от Шэнь Цзунняня оказать ему услугу.

— О чём вы, господин Шэнь? Ведь выиграл не я, — Ю Цзиньжун перевел взгляд на девушку. Та всё поняла и ответила, что пока не придумала желание.

Тогда Ю Цзиньжун взял слово за неё:

— Раз не придумала, пусть желание останется на потом. Ведь господин Шэнь не из тех, кто берет свои слова обратно, не так ли?

Шэнь Цзуннянь ответил, что, конечно, нет. Но в его взгляде читалась высокомерная жалость. Хэ Уфэй уже расставил свои сети. Вряд ли Ю Цзиньжун доживет до того дня, когда сможет потребовать должок.

Отыграв одну партию, Ю Цзиньжун в прекрасном настроении ушел со своими людьми, пообещав вернуться с исправленным контрактом.

Полицейский под прикрытием отправился докладывать Хэ Уфэю для подготовки нового плана. Шэнь Цзуннянь тоже не собирался задерживаться. Перед уходом менеджер спросил, не хочет ли он взять с собой коробочку шоколадного печенья.

Шэнь Цзуннянь помедлил и ответил:

— Не нужно. Больше не нужно.

Его машина свернула с проспекта Адмирала и проехала через район штаб-квартиры «Пинхай». Мигали красные светофоры. На самой дорогой улице выстроилась вереница автомобильных фар, создав пробку от торгового центра до эстакады.

На огромном экране проспекта Берли-Дантон уже крутили постеры и рекламные ролики новой коллекции «Пинхай». Режиссером выступила Фан Шиин — первая женщина-режиссер азиатского происхождения, получившая премию «Золотая пальмовая ветвь». В съемках приняла участие обладательница премии «Золотой колос» актриса Фэй. В кадре мелькнул и Фан Суй.

По слухам от ТСВ, несколько элитных брендов класса люкс пытались перебить цену, чтобы стать титульными спонсорами. Но Фан Шиин отказалась. Дело дошло до штаб-квартиры «Пинхай». Тань Юмин выдержал внутреннее давление и поддержал её.

Так на свет появилась эта реклама. В первый же день она собрала десятки миллионов лайков, стремительно вызвав бурю в мире моды на острове.

Шэнь Цзуннянь внимательно, от начала и до конца, посмотрел ролик дважды. Он поднял взгляд на логотип «Пинхай» в финале.

Недосыпаемо. Но именно здесь ему и самое место.

Час пик. Людей становилось всё больше. Эстакаду залил свет розовых облаков.

Хайши находился на низких широтах. Лучи заката пробивались мощно, поэтому сумерки здесь обычно были золотыми. Редко выпадал такой лиловый вечер. Этот фиолетовый цвет был настолько прозрачным и всеобъемлющим, словно из черной лаковой шкатулки рассыпали румяна, разбавили их водой и растушевали тушью. Бескрайний, грандиозный, бесконечный.

В памяти Шэнь Цзунняня в последний раз такое небо было, когда он учился в школе Инхуа.

В то время ситуация в семье Шэнь была нестабильной. Большинство людей в их кругу не верили, что юный Шэнь Цзуннянь сможет в итоге занять место главы. Семьи золотой молодежи поддерживали отношения с дядьями Шэнь. Шэнь Цзунняня же всегда вытесняли за пределы этого круга.

На уроке физкультуры они играли в регби. Чжо Чжисюань вдруг достал откуда-то напульсник и отдал его Чжао Шэнгэ. Пока они разговаривали у кромки поля, один из учеников, воспользовавшись моментом, намеренно сфолил и ударил Шэнь Цзунняня.

Шэнь Цзуннянь повернулся и уставился на них мрачным, темным взглядом. Врагов было много, атмосфера накалилась до предела. Казалось, драка вспыхнет в следующую секунду. Но тут невесть откуда выскочил Тань Юмин. В матросской футболке и белых гетрах — судя по всему, он только что с урока футбола по соседству.

Он с улыбкой встал перед Шэнь Цзуннянем, отгородив его от толпы. Та драка так и не состоялась.

На следующей неделе до Шэнь Цзунняня дошли слухи. Те мажоры пошли заниматься скалолазанием: один сломал руку, второй получил сотрясение мозга.

После уроков Тань Юмин неспешно подошел к его парте. Рюкзак висела у него на одном плече. Он беззаботно улыбнулся:

— Пошли, скорее домой, в приставку рубиться!

Шэнь Цзуннянь поднял голову и молча посмотрел на него. В тот день сумерки тоже были лиловыми. Ослепительно великолепными, величественными, застилающими всё небо. Небо и море искрились.

В удушливой влажности, свойственной только островным закатам, розовые облака и зеленые деревья сливались в нежный, словно мёд, светло-охристый оттенок. Этот свет лился на лицо подростка, заставляя его сиять.

Видимо, на прошлом уроке Тань Юмин клевал носом: на затылке у него торчали несколько прядей волос. Окрашенные лучами заката в золотой цвет, они напоминали непослушные усы кота. Он стоял, высоко подняв голову и выпятив грудь, с невероятно гордым видом.

Шэнь Цзуннянь так и не смог вырваться из того летнего заката. Его большая рука резко крутанула руль, прорываясь сквозь багрово-черную реку вечернего неба, которая пыталась затянуть его в ловушку.

Чёрный «Бентли» развернулся на месте, разорвав облака цвета тутовника над эстакадой, и снова выехал на трассу. Огромный синий дорожный указатель впереди сообщал всем водителям на двух языках: «Все направления / All Destinations».

Шэнь Цзуннянь не обратил на него внимания.

Дорог, казалось бы, тысячи. Но идти можно только по одной.

Все направления означают, что конечного пункта нет.

Солнце село. Лиловые оттенки заката потемнели, а проникая сквозь высокие окна офиса, превратились в сумеречную синеву.

В кабинете было уже не так светло, как днем. Ян Шиянь принесла Тань Юмину воды. Дождавшись, пока он залпом выпьет разведенное лекарство, она спросила:

— Босс, может, отменить ваши завтрашние встречи?

Тань Юмин проглотил лекарство:

— Не стоит. Это просто простуда.

«Что-то непохоже, что это просто простуда», — подумала Ян Шиянь. Подписывая документы, он дважды уронил ручку. Но она была лишь помощницей и не стала задавать лишних вопросов.

— Скажи водителю, пусть завтра приедет на полчаса пораньше.

Завтрашнему саммиту по применению интеллектуальных технологий Тань Юмин придавал большое значение.

Саммит проходил в выставочном центре Финлес-Бэй. Второй этаж выделили под выставочный зал. Передовые технологии и инновационные продукты стояли под табличками крупнейших корпораций. Это было место для общения, демонстрации достижений, а также арена для жесткой конкуренции.

Больше всего внимания привлекала компания под названием «Ишань». Её основатель был настоящей тёмной лошадкой среди молодого поколения.

Тань Юмин приехал пораньше. Изучив макетную песочницу, он перешел к цифровому узлу управления. Семья Тань сколотила состояние на портах и морских перевозках, поэтому Тань Юмин невольно задержался, чтобы изучить технологию поближе.

— Если сменить алгоритм, можно получить более точные пороговые значения.

Тань Юмин поднял глаза. Этот безумец-основатель, уже четырежды представавший перед судом по делам о недобросовестной конкуренции, спросил его:

— Господин Тань, не хотите попробовать?

Молодежь в Хайши, завидев Тань Юмина, волей-неволей начинала заискивать. А в этом парне было достаточно уважения, но ни капли покорности.

Тань Юмин считал себя весьма дерзким, но этот «подсудимый года» превзошел даже его.

— Ты специально меня здесь поджидал? — спросил он.

— Не то чтобы специально. Знай я, что господина Таня это заинтересует, давно бы уже сыграл на ваших интересах.

— А ты честен, — хмыкнул Тань Юмин.

Лян Динъянь и парень из семьи Вэнь боролись за тендер проекта «Цзяньсинь». «Хуаньту» поддерживала семью Вэнь, а «Пинхай» делала ставку на «Ишань». После нескольких раундов

ожесточенной борьбы никто не хотел уступать. В последние дни конфликт лишь обострялся.

Лян Динъянь не стал упоминать проект «Цзяньсинь». Вместо этого он увлеченно рассказывал о других экспонатах «Ишань».

Когда подошло время, они спустились на лифте на первый этаж, в главный зал. Как только двери открылись, они лицом к лицу столкнулись с двумя людьми.

Шэнь Цзуннянь и Вэнь Цзячэн.

Четверо стояли друг напротив друга. Сердце каждого дрогнуло.

Торжественный зал, колонны, роскошные люстры. Журналисты направили на их красивые лица объективы камер, бешено щелкая вспышками. Репортеры втайне ликовали: такая шикарная обложка — редкая удача!

Амбициозный Лян Динъянь по ауре больше подходил холодному и властному Шэнь Цзунняню. Вэнь Цзячэн, выходец из именитой семьи, явно был из одного теста с блистательным Тань Юмином.

Но по иронии судьбы благородный господин стоял плечом к плечу со свирепым демоном, а честолюбец шел рядом с джентльменом.

Такое вот нелепое совпадение. Двое против двоих.

После той грандиозной ссоры они увиделись вновь, но теперь рядом с каждым из них стоял другой человек.

Скрытая враждебность между Лян Динъянем и Вэнь Цзячэном подлила масла в огонь, сделав атмосферу еще более напряженной и тонкой.

Четыре взгляда, глубокие скрытые течения.

Тань Юмин, казалось, никогда не мог даже представить себе подобной сцены. Его сердце сжалось. Он обвел взглядом Шэнь Цзунняня и Вэнь Цзячэна. Шестнадцать лет именно он стоял на этом месте. За столом переговоров, в лучах софитов, в объективах новостных камер.

Две визитные карточки семьи Тань сегодня дошли до такого финала.

Шэнь Цзуннянь едва заметно нахмурился, глядя на стоявших напротив. Самые знакомые незнакомцы — лучше и не скажешь.

Вспышки камер и щелчки затворов растянули время до бесконечности. Секунда, вторая. Тань Юмин, преодолевая нарастающую резкую боль в животе, первым кивнул в знак приветствия.

Все они были взрослыми людьми. Как бы ни бушевала истерика внутри, снаружи нужно было сохранять лицо. Разделять личное и профессиональное, не вести себя как дети.

Но самое главное — как бы ни был изранен их союз за закрытыми дверями, он не желал демонстрировать посторонним ни малейшего разлада и трещин в их отношениях с Шэнь Цзуннянем.

Шэнь Цзуннянь опустил глаза. Он слишком хорошо знал Тань Юмина. Если он ругается с тобой, злится — всё это поправимо. Но если однажды он станет вежливым, перестанет кричать и спорить, — это значит, что пришел конец.

Что ж, так даже лучше.

Разойдясь, как в море корабли, они направились каждый на свое место. Секретарь с тревогой спросил Вэнь Цзячэна:

— Господин Тань, кажется, очень заинтересовался технологиями «Ишань». Не может ли так случиться, что...

Вэнь Цзячэн задумался, а затем серьезно спросил:

— Вы думаете, в их паре последнее слово за господином Танем?

На другой стороне зала помощник в последний раз сверял с Лян Динъянем порядок выступления:

— Господин Вэнь теперь тоже научился искать нужных людей. Насчет проекта «Цзяньсинь»...

Лян Динъянь небрежно усмехнулся:

— Неужели ты думаешь, что решения между ними принимает Шэнь Цзуннянь?

Саммит был посвящен практическому применению умных технологий. Места распределили согласно отраслевой специфике. Выдался редкий день, когда Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь сидели порознь.

Выступления начальства были длинными и нудными. Сидящие в зале делали вид, что прилежно конспектируют.

Шэнь Цзуннянь раскрыл свой коричневый замшевый блокнот. Он замер. Больше половины страниц было изрисовано каракулями, которые от скуки оставлял Тань Юмин. Эти зарисовки вклинивались между резким, размашистым почерком Шэнь Цзунняня.

Март прошлого года, форум по информатизации: *«Шэнь Цзуннянь, пойдём после собрания есть португальскую еду? Местные обеды просто отвратительны»*, — и пририсована забавная пухлая панда.

Апрель, финансовый симпозиум: ни единого слова, зато нарисован лис, атакующий торговый центр — явный признак внутреннего бешенства.

Июнь, совещание по интеграции региона залива: *«Откуда взялся этот старик? Забавный тип»*. Что не помешало ему нарисовать рядом черепаху.

Начало июля, молодежная конференция по обмену опытом: видимо, собрание сильно затянулось, и Тань Юмин зверски проголодался. Он нарисовал несколько тарелок с морепродуктами, фруктовое ассорти и не забыл дорисовать себе стакан лимонного чая.

Конец октября, конференция по туризму: тренировался ставить подпись. Расписавшись за себя, стал выводить имя Шэнь Цзунняня. Оба учились писать у одного наставника. Если бы Тань Юмин захотел подделывать почерк, никто бы не заметил разницы. Вот только его линии были ленивыми и размашистыми, а у Шэнь Цзунняня — сдержанными и острыми, как лезвие.

Они посетили вместе сотни, тысячи совещаний. Собственный блокнот Тань Юмина оставался девственно чистым. А блокнот Шэнь Цзунняня пестрел текстами и картинками — в пору издавать комиксы. В точности как с их школьными учебниками.

Ноябрьская конференция по интеграции блокчейна, декабрьское годовое собрание ведущих предприятий... Шэнь Цзуннянь больше не стал смотреть на них. Он спокойно перевернул страницы и открыл новый лист.

На телефон пришло несколько рабочих сообщений. Выслушав только первую половину докладов, он ушел. Тань Юмин же не стал рисовать тигров в своем блокноте и ни разу не отвлекся. Он прилежно отсидел все два часа.

После окончания саммита он вышел из здания. Всё та же величественная готическая архитектура. Всё та же длинная красная ковровая дорожка. Всё тот же витраж, играющий цветными бликами. Даже журналисты в зоне ожидания — всё те же знакомые лица из пары-тройки новостных агентств. Но картина того дня, когда Тань Юмин стоял здесь плечом к плечу с Шэнь Цзуннянем, казалась бесконечно далекой.

У Тань Юмина не было времени предаваться меланхолии. Вместе с коллегами он отправился на ужин в недавно открывшийся ресторан. Друзей у него хватало: уйдет один — его место тут же займет другой.

Свет клином не сошелся на этом Шэнь Цзунняне.

В эти дни, избавившись от контроля, он каждую ночь проводил в кутежах, чувствуя себя куда свободнее. Событыльники, прознав, что у Тань Юмина появилось много свободного времени, слетелись к нему, как пчелы на мед. Разношерстная публика, и Тань Юмин не отказывал никому.

Яркие огни, реки алкоголя, распутство и веселье. Тань Юмин чувствовал и восторг, и опустошенность. В конце концов он перестал понимать: страдает он или наслаждается жизнью? Оцепенел он или, наоборот, освободился?

В порыве безудержного веселья Тань Юмин швырял деньги на ветер.

Кто-то первым закричал:

— Молодой господин Тань просто воплощение щедрости! Спасибо, молодой господин Тань!

Откинувшись на спинку дивана, Тань Юмин с улыбкой наблюдал за его кривляниями:

— Не стоит благодарности. Вино у тебя тоже отменное.

Парень спрыгнул с дивана:

— Да бросьте, к чему эти формальности между друзьями!

Тань Юмин замер. Друзья. Точно, вот какими должны быть друзья. Приходят по первому зову, веселятся вместе и не причиняют боли.

Он безэмоционально кивнул:

— Верно сказано.

Карточная игра затянулась далеко за полночь. Десяток парней изрядно напились. Голова у Тань Юмина гудела, дышать стало тяжело. Проиграв несколько партий подряд, он стиснул зубы на сигарете и тихо выругался:

— Опять стрит! Ты тут шулером заделался?

Оппонент наигранно возмутился:

— Старший молодой господин, вы сами витаете в облаках! В прошлом круге пасанули. Вам что, Короля червей прямо в рот положить, чтобы вы выиграли?

— Давай, — Тань Юмин вынул сигарету изо рта, зажал её между пальцами и выпустил кольцо дыма. — Если кинешь, я заберу, — нагло заявил он.

— Не буду я ничего кидать. Иди проси своего Шэнь Цзунняня. Он же недавно как раз скинул одну.

Тань Юмин не расслышал и поднял голову:

— Что?

— Короля червей, — ответил парень в полутьме. — Говорят, на прошлой неделе в «Пули» он выбросил кучу денег, чтобы вызвать улыбку красавицы. У вас же такие хорошие отношения. Попроси его, пусть и тебе скинет.

Тань Юмин фыркнул. «Невозможно», — подумал он. Шэнь Цзуннянь не такой человек. Он никогда не ввязывался в подобные игры. Даже несмотря на то, что они дошли до такой вражды, в этом он был абсолютно уверен.

Но собеседник тут же добавил, что об этом проговорился один их общий знакомый, который недавно был на вечеринке. Когда Ю Цзиньжун поднимал тост, он полушутя спросил Шэнь Цзунняня, когда тот вернет должок за их Короля червей. Шэнь Цзуннянь ответил, что в любое время.

Тань Юмин нахмурился.

Тут и сидевший рядом Чжан Цзюньцзянь тихо спросил:

— Ты был там в ту ночь?

В тот вечер в «Пули» он своими глазами видел, как Шэнь Цзуннянь и Ю Цзиньжун шли в сопровождении девушек.

Он тактично предупредил Тань Юмина:

— Ю Цзиньжун — скользкий тип, и развлекается он грязно. Вы с ним недавно начали сотрудничать?

У Чжан Цзюньцяня было прозвище «Всезнайка». Если другие и могли разносить сплетни, то его информация всегда была правдивой на сто процентов. Более того, он был одним из немногих друзей Тань Юмина, кто не имел абсолютно никаких претензий к Шэнь Цзунняню, а даже отчасти восхищался им.

Уголки губ Тань Юмина опустились. Время и место совпадали. Да и ни у кого не хватило бы смелости распускать слухи о Шэнь Цзунняне.

Кто-то с любопытством сплетничал:

— Интересно, ради кого он скинул Короля червей?

Король червей, карта рыцаря. Двусмысленная, полная сексуального подтекста.

— Откуда нам знать? — все были в курсе, что Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь были не разлей вода. — Пусть уж молодой господин Тань откроет нам эту тайну.

К горлу Тань Юмина подкатила тошнота. Желудок отозвался тупой болью. Голова пошла кругом, словно из легких выкачали весь кислород. Он натянул улыбку:

— Откуда мне знать?

Дошло до того, что новости о Шэнь Цзунняне он узнает от посторонних.

Все подумали, что он просто ревнует друга:

— Молодой господин Тань, так не пойдет. Тебе, значит, всё можно, а другим ни-ни?

Тань Юмин прикурил новую сигарету и велел сидевшей рядом девушке налить ему вина. С полуулыбкой на губах и ледяным холодом в глазах он ответил:

— С чего бы?

Он швырнул все свои карты, которыми до этого отчаянно оборонялся, в центр стола. В один миг он проиграл всё.

Следующий игрок опомнился и начал жаловаться:

— Эй-эй-эй! Я же только собирался объявить масть, зачем ты всё скинул?!

Капли конденсата на стенках бокала отражали его искаженное, мрачное лицо. Кисло-обжигающий алкоголь обжег горло и прокатился по пустому желудку. Сознание Тань Юмина было затуманенным, но одновременно предельно ясным. Он равнодушно произнес:

— Мне больше не надо.

Соседний игрок громко запротестовал.

Тань Юмин тихо повторил, словно обращаясь к самому себе:

— Мне больше не надо.

Он сдвинул оставшиеся фишки в сторону сидевшей рядом девушки:

— Будешь играть?

Девушка приятно удивилась, со смехом поблагодарила его и назвала невероятно щедрым.

Тань Юмин лишь усмехнулся.

Компания не собиралась засиживаться до утра. Ли Байхао спросил:

— Молодой господин Тань, как вы? Тот человек за вами приедет или вызовем водителя?

Тань Юмин открыл глаза. На виске у него пульсировала венка. Он не дотерпит до дома.

— Снимите мне номер наверху.

Ли Байхао картинно ужаснулся:

— Тебе-то не страшно, если он среди ночи примчится тебя вытаскивать. А вот я боюсь, что он потом с меня шкуру спустит!

Даже сейчас, будучи в стельку пьяным, Тань Юмин строго придерживался своих правил. Он не хотел, чтобы кто-то догадался о трещине между ним и Шэнь Цзуннянем. Слегка пнув друга, он беззаботно рассмеялся:

— Чего разболтался?

Роскошный люкс на верхнем этаже клуба и пестрый, полный огней зал внизу были двумя разными мирами.

Дверь закрылась. Костюм был сброшен. Вся его напускная безмятежность слетела, обнажив истинное состояние. Под струями горячего душа в ванной Тань Юмин то открывал, то закрывал глаза. Растерянный и потерянный, словно сбившийся с пути загнанный зверь.

Он не понимал, о ком говорили эти люди. Кто был тот человек, ради которого сбросили карту рыцаря? Как он мог стать таким чужим?

Ночь прошла в бреду. Желудок сводило, тело покрывалось холодным потом. Он смог уснуть лишь под утро.

Проснувшись на следующий день, он взял телефон. Гуань Кэчжи, всегда державшая руку на пульсе светских сплетен, скинула в семейный чат фото. На снимке была запечатлена их вчерашняя встреча вчетвером. Какое-то издание всё-таки опубликовало этот кадр.

Тань Юмин вспомнил вчерашнюю сцену, и в горле запершило.

Гуань Кэчжи написала в чате, чтобы они заехали домой за свежим урожаем: яванскими яблоками и сахарными яблоками. На частном острове семьи Тань в южной части Тихого океана круглый год росли свежие тропические фрукты. Специально для Тань Юмина приготовили две корзины пальчиковых лаймов и лимонов для чая. А тетушка Тан наварила сиропа из маракуйи. Мать просила их заодно заехать на ужин.

Тань Юмин ответил на сообщение без малейших колебаний, со спокойным сердцем. Раньше он бы мялся и сомневался.

Люди испытывают неловкость, смущаются и не знают, куда себя деть, только когда им не всё равно. А когда сердце по-настоящему мертво, можно вести себя исключительно по-деловому.

Гуань Кэчжи снова велела им беречь здоровье. Особенно Шэнь Цзунняню, просила не перетруждаться на работе. Тань Юмин холодно усмехнулся. Ему так и хотелось сказать Гуань Кэчжи, чтобы она получше присмотрелась к своему примерному, прилежному сыночку. Пусть узнает, каков он на самом деле за пределами дома.

Тань Юмин написал водителю, чтобы тот забрал гостинцы. Фрукты разделили на две части: одну отвезли в «Пинхай», вторую — в «Хуаньту».

Шэнь Цзуннянь не любил сладкое. Он сказал сидевшему напротив за столом переговоров Цзян Ину:

— Водитель привез фрукты. Заберешь, когда будешь уходить.

Шэнь Цзуннянь никогда не занимался подобными проявлениями заботы. Цзян Ин сразу всё понял:

— До сих пор не помирились?

Шэнь Цзуннянь продолжал изучать чертежи, не поднимая головы. Цзян Ин вздохнул и сменил тему:

— С такими отношениями что вы собираетесь делать с годовщиной Цинь Чжаотина?

Вот каково это — расти вместе. Сломаешь кость, так сухожилия всё равно останутся целы. Даже если вы избегаете встреч на работе или в семье, вас неизбежно столкнут общие друзья.

Цинь Чжаотин был единственным сыном биржевого магната Хайши. Он поддерживал хорошие отношения с ними обоими. К годовщине открытия своего стрелкового клуба он заранее отправил им приглашения.

Причем прислал одно на двоих.

Мало того, что Цинь Чжаотин был их другом детства, он также являлся одним из самых известных инвесторов в Хайши. В те годы, когда «Цзяньсинь» только создавалась, именно он помог наладить контакты для нескольких ключевых проектов. Ни Шэнь Цзуннянь, ни Тань Юмин не могли ответить отказом на это приглашение.

Клуб располагался на Голландском проспекте. В Центральном районе, где земля стоила на вес золота, он занимал целую тысячу квадратных метров. Стрельба, стрельба из лука, скалолазание, бильярд — там было всё. В прошлом году, на открытии, они пришли вместе. Принесли вино и подарки. Но в этом году приехали две машины с разных сторон.

Люди в ссоре, и машины тоже держатся на расстоянии. «Бентли» и «Кайен» стояли по краям парковки, разделенные удлинённым «Фантомом» и «Куллианом».

Шэнь Цзуннянь приехал после совещания в деловом парке и прибыл последним. Чжао Шэнгэ, Чэнь Вань, Чжо Чжисюань и Цзян Ин уже были там.

Чэнь Вань сказал что-то, отчего Тань Юмин громко рассмеялся. Увидев вошедшего Шэнь Цзунняня, он не перестал улыбаться, но смешинки в глазах мгновенно исчезли.

Шэнь Цзуннянь замер. По сравнению с той легкой отстраненностью в день их встречи на саммите, в этом взгляде было больше обиды и злости. И было в нем то, чего Шэнь Цзуннянь еще никогда не видел... Отвращение.

Шэнь Цзуннянь был ошеломлен и сбит с толку. Даже во время ссор Тань Юмин никогда не смотрел на него так.

Шэнь Цзуннянь начал копаться в себе: может, его отказ поддержать тендер «Ишань» накануне так разозлил Тань Юмина? Но Лян Динъянь был слишком строптив и амбициозен. Как бы хорошо ни была выстроена его платформа, если в будущем он решит ударить в спину, контролировать его будет невозможно.

К тому же, насколько было известно Шэнь Цзунняню, этот извращенский браслет для слежки, который носил Чэнь Вань, был сделан на заказ именно у Лян Динъяня. Тот, кто разрабатывает подобные вещи, вряд ли может считаться порядочным человеком.

Шэнь Цзуннянь нахмурился, и его взгляд тоже похолодел.

<http://bllate.org/book/17117/1614114>